

Вера Колодчикова

УЮТНЫЙ РОМАН

Свободна от
обязательств

О мечте, о любви, о судьбе

Вера Колочкова

Свободна от обязательств

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Свободна от обязательств / В. А. Колочкова — «Эксмо»,
2017 — (О мечте, о любви, о судьбе)

ISBN 978-5-699-99112-9

Марина была хорошей женой и матерью и превыше всего ценила долг. Она строила семейную крепость на века. Но крепость оказалась непрочной и рухнула в одночасье, когда муж Марины ушел к другой... Такое бывает в жизни, и довольно часто. Но как поступают женщины? Страдают. Клянут судьбу. Упиваются горем. Марина решила, что этот путь не для нее. Она сменила работу, имидж и даже любовника себе завела на десять лет моложе. Она решила: хватит все делать правильно. И приготовилась насладиться счастьем. Однако счастье... и в этот раз не далось ей в руки сразу. Через какое-то время муж попросился назад, в семью, и прежняя, «правильная» Марина встала перед выбором: исправить ошибки канувшей в прошлое идеальной семейной жизни или смело позволить себе делать новые ошибки и быть свободной от обязательств...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99112-9

© Колочкова В. А., 2017
© Эксмо, 2017

Вера Колочкова

Свободна от обязательств

© Колочкова В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Наташка ворвалась в дверь в обычной своей манере – так, будто кто вытолкнул ее из коридора. Плюхнувшись на свое место в углу, прокрутилась на стуле, разнеся по кабинету специфический, ни с чем не сравнимый запах выкуренной только что сигареты. А может, и двух сигарет. Может, и трех даже. Они там, в дальнем закутке коридора, подолгу стоят, выпуская из себя вместе с дымом все офисные сплетни-новости. Если новостей много, тут одной сигаретой и впрямь не отделаешься. Сегодня с утра, наверное, как раз их много было. Такой уж душок Наташка с собой принесла.

Марина чуть передернулась, чуть поморщилась – она терпеть не могла запаха табака. Но промолчала, как обычно. А что делать? Не читать же девчонке лекций о вреде курения. Все равно не поймет. Еще и рассердится, будет потом пыхтеть целый день да бросать на нее сердитые взгляды из-за компьютера. И нахамить может, у нее не задержится. Бросит сквозь зубки что-нибудь вроде того: не лезьте в мою личную молодую жизнь. И откуда они этого хамства набираются, нынешние девчонки? Вот она в ее возрасте ничего подобного себе не позволяла. К начальству была почтительной, на работу абы как не одевалась, по курилкам не бегала. Потому и карьеру на фирме сделала. Пусть и небольшую. Как Олег насмешливо говорит, карьерку. Может, он и прав. Не велика карьера – руководить юридическим отделом из трех человек. Тем более основной воз работы она сама на себе тащит. Анна Семеновна, чем ближе к пенсии, тем больше стала на больничных отсиживать, а с Наташки какой спрос? Даже и поручать ей серьезные дела страшновато. Завалит, не дай бог, а ей потом ответ перед Львом Борисовичем держать. Нет, не выйдет из девчонки толку. Она такой в ее возрасте не была...

Поймав себя на ворчливых мыслях, Марина тряхнула головой, расправила плечи, мельком глянула в просвет вертикальных линеечек жалюзи – июньский занудный дождь и не думал останавливаться, чертил свои грустные кривые на оконном стекле. Погода как осенью. Ждешь, ждешь этого лета, а оно встречает тебя сырым холодом, будто в лицо плюет. И настроение – под стать дождю. Почти старушечье. Это в тридцать-то восемь лет! А что с ней дальше будет? И на Олега утром успела набрюзжать, когда на работу собиралась. А чего он вечно зеркало в ванной пеной для бритья забрызгивает? Поаккуратнее нельзя, что ли? Да еще и в грязных ботинках потом в комнату прошел, следы на паркете остались. Ну вот, опять она! Нет, надо что-то делать с этим дурацким настроением. Выползть из него как-то. Иначе и впрямь в старуху превратишься.

– Наташ... Там по электронке проект договора от заказчика пришел, посмотри, пожалуйста.

– А чего его смотреть? Он же типовый. Мы такие сто раз делали. Надо распечатывать да на подпись нести, и все дела... – отозвалась Наташа.

– А ты все-таки посмотри. Почитай. Надо каждый документ изучать внимательно, ты же юрист все-таки.

– Ой, Марина Никитична... Ну какая вы, ей-богу!

– Какая, Наташ?

– Слишком уж правильная, вот какая. Каждую бумажку готовы вдоль и поперек изучить, а главного не видите. Нет, я прямо не могу, ей-богу! Обидно за вас даже.

– Тебе? За меня? Обидно? – удивленно подняла на подчиненную глаза Марина. – Надо же, какая странная реакция.

– И ничего не странная. Вот мы сейчас с девчонками из маркетинга курили, как раз об этом и говорили.

– О чем? О твоей реакции?

– Да нет. При чем тут реакция? Мы это... Ой, я не могу так! Мариночка Никитична, неужели вы и впрямь... ничего не замечаете? И не видите?

– А что я должна замечать и видеть, Наташа?

– А то, что давно уже все знают и за вашей спиной об этом шепчутся. А мне... Мне обидно за вас. Тут такое, а вы – «договор, договор»... Да бог с ним, с договором этим!

– Ну что ж, говори, коль начала, – улыбнулась ей Марина снисходительно. – Что там за моей спиной страшное происходит? Неужели у меня вместо лопаток крылья выросли? А я и не почувствовала.

– Ага. Давайте еще чего-нибудь пошутите. Какая ж вы наивная, Марина Никитична. У вас там не крылья, у вас там огромные рога уже выросли!

– На спине? О ужас, – нарочито округлила глаза Марина. – Не знаю, как это выглядит, но звучит очень даже креативно – рога на спине.

Она рассмеялась весело и старательно, насколько смогла. А что оставалось делать? Не плакать же перед девчонкой в самом деле. Да и причины особой для слез нет. Ну, постояли они в коридоре, посплетничали про Олега. Подумаешь, секрет полишинеля. Да все мужское население фирмы около этой новенькой секретарши кругами ходит! И чего они в ней нашли? Купились на обаяние испуганной лани? Мужичьи инстинкты проснулись – опекать, защищать и чтоб шубу в грязь и под ноги? А секретарша и впрямь на барышню-лань похожа: тоненькая, голенастая, глазки наивностью промытые. Не секретарша, а сплошное умиление. И Олег туда же – хорохорится перед ней остроумием. А что, действительно, он рыжий, что ли? Ему ж тоже охота пофлиртовать. Тем более ему в этом вопросе труднее всех приходится, потому что жена под боком сидит. Нет, все-таки не зря говорят, что нельзя супругам работать в одном месте. Надо расходиться по утрам по разным коллективам, а по вечерам встречаться за ужином, обмениваться информацией. Такой, какой нужно. Чтоб можно было и приврать слегка.

– Зря вы так, Марина Никитична, – тихо проговорила Наташа, уткнувшись в экран компьютера. Не без горечи, между прочим, проговорила. Стояла за этой горечью обидная бабья жалость. И обидная досада на ее, Маринино, легкомыслие. Вроде того – какие ж вы, рогатые женушки, глупенькие, вечно всю правду последними узнаете. Говоришь вам в открытую, а вы смеетесь.

– Ладно, Наташ, работай. Ты, кстати, не знаешь, когда Анна Семеновна с больничного выйдет? – наобум спросила Марина, для того только, чтобы увести опасный разговор в сторону.

– Так вроде сегодня обещала. Я ей звонила вчера домой, она сказала, что придет. Да и мне совсем не хочется ее бумаги ворошить. У нее там все сроки для котировочных заявок проходят.

– Ну раз обещала, значит, придет. Она человек обязательный.

– Ага. А вот вы, если мне не верите, у Анны Семеновны про вашего мужа тоже спросите. Она тоже в курсе дел! Она даже, между прочим, поговорить с ним хотела и пристыдить, а он...

– Наташа, хватит. Мне этот разговор неприятен. Неужели ты не понимаешь?

– Да я что? Я ничего. Я же как лучше хотела, чтоб вы идиоткой в глазах коллектива не выглядели. Не хотите – не надо.

Поджав пухлые, блестящие от розовой помады губки, Наташа спряталась за монитором, нервно начала возить мышью по столу, демонстрируя свою обиду.

Ничего, пусть. Пусть уж лучше обижается, чем чужую жизнь оценивает. Нет, понятно, что она за свою начальницу искренне переживает, но уж слишком эта ее искренность бесцеремонная. Хотя другой и не бывает, наверное? Если пропускать порывы души через «церемонии», то от настоящей искренности и следа не останется, сплошная интеллигентность наружу

вылезет. Пресловутое показное достоинство. Очень, кстати, удобная штука. Можно им прикрыться, как ширмой, можно отшутиться, можно разговор вежливо прекратить по причине его «неприятности», но душу-то этим все равно не спасешь. На душе-то кошки скребут, да еще какие. Она ж тоже не слепая, она тоже видит и чувствует, что в ее семье происходит. Большое что-то назревает, неладное. Как ни убеждай себя, что все это чушь и ерунда, как ни списывай все на мужнин возрастной сорокалетний кризис, а назревает. А как не хочется, чтоб назревало! Где бы песочку тепленького побольше раздобыть да голову в него по-страусиному спрятать, чтоб отсидеться?

Марина незаметно вздохнула, отметив про себя, что вздох получился совсем уж тревожный какой-то. Старушечий. Нет, хватит уже! Чего она боится в самом деле? Надо обязательно сегодня вечером с Олегом поговорить. Причем основательно так поговорить, со слезами и упреками. Можно и с истерикой даже. И аргументы для истерики у нее теперь есть – сотрудники уже в открытую пальцем тычут... Надо, надо поговорить. Если он домой не за полночь придет, конечно. А хотя бы и за полночь! Тоже, выдумал себе легенду: к маме на дачу он ездит. И ведь не проверишь, не поймаешь за руку! Вероника Андреевна, драгоценная свекровушка, так отошлет, если она вздумает проверками себя унизить, что мало не покажется. Она ее с первых лет замужества к этому приучила – не унижать себя ревностью. Приучить-то приучила, а сама змеей извернется, а сыночка своего прикроет. Ханжа старая. Фу, как противно. И зачем она приняла эти ее дурацкие правила, именуемые «женским достоинством»? Мужа на глазах уводят, а она только и делает, что барахтается в этом достоинстве. Нет, все, хватит. Сегодня она свою свекровушку прижмет. Обязательно до нее дозвонится и попросит... Нет, не попросит! Не попросит, а именно потребует, чтобы передала мобильник сыночку, который якобы ее навестил по причине случившегося сердечного недомогания. А на ее презрительное «фи, Мариночка» так ответит... Так... А как она ответит?

– Ой, Мариночка, простите ради бога за опоздание.

Вздрогнув, Марина вынырнула из предполагаемого диалога со свекровью, улыбнулась шумно вошедшей в кабинет Анне Семеновне. От Анны Семеновны всегда почему-то исходило много шума. Может, потому, что была она большой, толстой и одышливой, и говорила много, и шурилась плащом, и устраивалась на крутящемся стуле долго и основательно, и со стоном наклонялась, чтобы расстегнуть «молнию» на ботинках и потом сунуть ноги в растоптанные туфли на низком каблуке.

– ...Представляете, сейчас такую очередь в регистратуру выстояла! Просто ужас. Я им говорю, мне только больничный зарегистрировать да печать поставить, так нет, не пропускают! Так плохо себя чувствую, Мариночка, если б вы знали. Меня участковая наша никак не хотела выписывать, да я настояла. Думаю, как вы тут одна справитесь...

– Почему это – одна? А я что, не в счет? – обиженно пробурчала со своего места Наташа, не отрывая взгляда от монитора.

– ...Давление у меня так и не снизилось, представляете? – проигнорировав Наташину реплику, продолжала пыхтеть Анна Семеновна. – Как наклонюсь, сразу в глазах будто песок горячий перекачивается.

– А вы не наклоняйтесь. Ходите себе прямо, – снова встряла Наташа в поток ее жалоб.

– А тебя не спросила, советчица сопливая, – беззлобно повернулась к ней Анна Семеновна. – Чего это ты взъерошенная такая сегодня? Поссорились вы тут без меня, что ли?

– Нет. Не поссорились. Так. Поговорили просто, – бросила ей Наташа.

– О чем это?

– Да все о том же. Вы сами знаете, о чем. А она не верит.

– А... Понятно.

Анна Семеновна замолчала, сложила пухлые ладошки в замок и, покачивая головой, стала оглядывать Марину, словно примериваясь, с какого боку ее укусить.

- Наташ, выйди-ка на минутку, – коротко приказала она девушке.
- С чего бы это? – строптиво повернула к ней голову Наташа.
- Да ни с чего. Просто мне с Мариночкой поговорить надо.
- А я вам что, мешаю?
- Мешаешь. Иди, Наташенька. Там в буфете как раз свежие эклеры привезли, я видела, когда мимо проходила. С белковым кремом. Ты же их любишь, я знаю. Иди, чаю попей.
- Тогда я уж лучше покурю пойду... – Вздохнув, Наташа поднялась со своего места.
- Ну, если ты полагаешь, что это большее удовольствие, чем есть эклеры, тогда конечно.
- Да. Именно так я и полагаю, – в тон ей ответила Наташа, мило оскалившись уже в дверях. – А эклеры свои сами ешьте. Мне нельзя, я фигуру берегу. А вам можно, вам в этом смысле терять нечего.
- Нет, вы посмотрите на нее, Марина! – то ли насмешливо, то ли возмущенно проговорила Анна Семеновна, когда за Наташей закрылась дверь. – Прямо на каждом шагу обхвалить готова! И где у нас с вами глаза были, когда мы третьего юриста на работу брали? Целый кастинг устроили, а приняли бог знает кого. Ни ума, ни старания, ни способностей особенных. И ведет себя нагло. Вы не помните, чем она нас взяла, эта Наташка?
- Нет. Не помню. Да нормальная в принципе девчонка. Просто молодая еще. Со временем обтешется. Так о чем вы со мной поговорить хотели, Анна Семеновна? Только покороче, пожалуйста, у меня работы очень много.
- Ну да, ну да. Ой, даже не знаю, как вам и сказать, Мариночка. Тут дело такое, щекотливое очень.
- Это вы про Олега, наверное?
- Ой, так вы уже знаете, да? А то ведь у нас как... Жены всегда все узнают последними.
- Что узнают, Анна Семеновна? Что такое особенное я должна узнавать? Что Олег ухаживает за Настей? Ну да, ухаживает. Так и пусть себе на здоровье. На то он и мужчина, чтоб обращать внимание на красивых молодых женщин. Он в евнухи не подписывался, в конце концов! И вообще...
- Да вы не сердитесь, Мариночка. Я понимаю, как вам сейчас гадко. Давайте лучше вместе подумаем, что в этой ситуации можно сделать, чтобы...
- Анна Семеновна, я не собираюсь ни с кем обсуждать свои семейные проблемы. Извините, если я сейчас груба с вами. Я как-нибудь сама разберусь.
- Ну вот, обиделись! Я ж вам добра хочу, я же абсолютно искренна с вами! Не хорохорьтесь, Мариночка. В данной ситуации лучше проговаривать проблему. Как выражается мой муж, «надо бить гордыню кулаком в темечко».
- Нет. Я сама разберусь. Спасибо за участие, – холодно отрезала Марина, отвернувшись к окну. Дождевые капли по-прежнему вяло ползли по стеклу, перетекая одна в другую, постепенно утолщаясь и образуя в конце довольно шустрые ручейки, похожие на обильные слезы.
- Ну что ж, смотрите, – помолчав, сухо произнесла Анна Семеновна, – сами так сами. Только как бы уж поздно не было разбираться-то. Вы хоть в курсе, что у них все уже далеко зашло? Очень далеко?
- Я – нет. А вы, стало быть, в курсе?
- Так не я одна. Вот уж месяц, как все только об этом и говорят. Их же все время видят вместе в городе. А Валентина Петровна из бухгалтерии как-то с отчетом задержалась, пошла домой совсем поздно, а они в приемной...
- Хватит, Анна Семеновна! Мне все понятно. Можете не продолжать.
- Нет, но это же невозможно, Мариночка! Вы что, действительно ничего не замечаете? Слепли и оглохли? Он же уже все грани дозволенные перешел! Я сейчас через приемную проходила, он опять около нее торчит. И ведь даже не соизволил приличное выражение лица

в мою сторону сделать! Так на эту Настю смотрит, что... Мне даже неловко стало, ей-богу. Бессовестный! Прямо при живой жене.

– Да. Уж извините, умирать мне пока не хочется.

– Так и я про то же. Нет, мне все-таки интересно... Неужели вы и впрямь ничего не замечали? Или притворяетесь? А, Мариночка?

Марина улыбнулась затравленно, пытаясь уложить в себе полученную информацию. Ту самую информацию, которая бродила вокруг нее неприкаянно и была лишь неприятной тенью – до сегодняшнего дня. Тенью, от которой можно было отмахнуться. Потому что она злая, липкая и противная. Испуганный разум так и шептал: отмахнись. Не надо, мол, знать о том, о чем знать не хочешь. Совершенно дурацкая позиция. Как будто она, эта позиция, ей аванс посулила – авось пронесет, само по себе рассосется, в раковую опухоль не материализуется. Черта с два, не материализуется! Кого этой позицией обмануть можно? Саму себя разве?

– Ну, что вы молчите? Если не верите, так сами сходите и посмотрите. Наверняка ваш муженек до сих пор там торчит, в приемной. Он же не думает о том, что вас на весь свет ославил. Что у вас тут должность, авторитет, зарплата высокая. Стоит, смотрит на нее, как влюбленный тетерев. А она глазки вскинула, улыбается, трепещет вся. Тьфу, противно! Куда вы, Мариночка?

Марина и сама не поняла, что произошло. Ноги сами понесли ее к выходу из кабинета. Да что такое происходит в самом деле? Она что, и впрямь посмешищем для всех стала? Объектом для сплетен в курилках, объектом для жалости? Возмущение захлестнуло ее полностью, будто окатило сверху ледяным душем. Так бывает со многими людьми: терпят, терпят до последнего, делают распрекрасную мину при плохой игре, а потом вдруг – раз! – и взорвутся праведным негодованием. И грудью вперед, и плечи назад, и подбородок вверх – мы гордые, мы не такие! И вообще с нами так нельзя!

Олег действительно был в приемной – стоял к Марине спиной, упершись руками в Настин большой стол. На секунду выплыло из-за Олеговой спины Настино счастливо-обалдевшее лицо и тут же спряталось обратно. И Олег распрямился, развернулся к Марине всем корпусом, уставился виновато и одновременно набычившись. Удивительно даже, как это у него на лице все совместилось – и виноватость, и злость. А Настино лицо стало, наоборот, очень испуганным. Хорошенькая головка будто в плечи ушла, одни ушки маленькие торчат, разве что руки не выставила навстречу для защиты. Не зря, наверное, испугалась. Надо полагать, вид вошедшей в приемную законной жены был для нее сейчас страшнее статуи Командора. Хотя самой Марине казалось, что держится она с прежним равнодушным достоинством. Только голос слишком уж надрывно и неистово прозвучал, будто скрипичная струна лопнула:

– Олег. Выйди на минутку. Поговорить надо.

Развернувшись, она вышла в коридор, встала у окна, сцепив руки под грудью. Олег подошел, глянул сердито:

– Скандала хочешь? На работе? Что, нельзя дома поговорить?

Опять в его голосе эта смесь – злости и виноватости. И немного раздражения. Кто бы мог подумать, что ее муж способен на такие эмоции! Всегда ровный, всегда приветливый, всегда улыбающийся. Сорокалетний маменькин сынок, не умеющий себе брюки погладить самостоятельно. Ничего не требующий от судьбы баловень, застрявший в рядовых менеджерах неудачник. Туда же – любви захотелось, высоких чувств-с.

– Дома можно, конечно. Как раз сегодня собиралась. Объясни, что происходит, Олег?

– А сама не видишь, что происходит? Не чувствуешь, что я давно разлюбил тебя?

– А мне некогда, знаешь ли, ежедневно в чувствах своих копать. На работе дел полно, дома тоже сиднем не сижу. Двадцать лет уже тебя обихаживаю, так что...

– Это что, упрек? Теперь скажи, что ты в дом денег приносишь в два раза больше. Ну, давай, давай.

- Да не хочу я ничего такого говорить, Олег! Я просто хочу знать, что происходит.
- А я тебе уже сказал. Я разлюбил тебя.
- Так. И дальше что?
- Понятно что. Ухожу, значит. Вечером вещи соберу. Или ты мне их сама соберешь?
- Вещи? Какие вещи? А... Ну да. Уходишь, значит. Ага... Понятно...

Она стояла, смотрела на него во все глаза. Будто ждала, что он рассмеется собственной неудачной шутке. Вся злость и досада ушли из нее разом, остался один только страх перед наплывающей на нее холодной действительностью. И паническое сиюсекундное ожидание, трепыхание последней надежды: может, все-таки мимо пронесет? Она ничего не слышала? Он пошутил? Со злости ляпнул?

– Ну? Чего ты молчишь? Вещи соберешь, спрашиваю? – резко переспросил муж, ткнул вопросом, как острой пикой в грудь.

- Что? Вещи? Ну да... То есть нет. Сам собирай, конечно.

Развернувшись, она пошла от него по коридору в сторону своего кабинета, изо всех сил стараясь держать спину прямо. Вот идти бы и идти так, никуда не заходя. В пространство, в неизвестность, где ее никто не знает. И за спиной никто не шепчется. И советов бабьих не дает. И не сочувствует. Надо же, как за один день все скрутилось – как снежный ком. Еще с утра, как говорится, ничего не предвещало. Все было в своей обычной колее: муж, дом, завтрак, следы от пены для бритья на зеркале в ванной. И не было никакого снежного кома внутри, будь он неладен. Сейчас еще и таять начнет, растекаться по организму грязными ручьями.

Перед дверью своего кабинета Марина остановилась и даже ладонь отдернула от дверной ручки. Представилось сразу, какими глазами посмотрят на нее Наташа с Анной Семеновной. Надо ведь им будет сказать, что она... Что Олег... Нет, это невыносимо, в конце концов. Зачем, зачем она притащила его с собой на эту фирму? Уж лучше бы сам себе чего-нибудь подыскал, когда во время того кризиса, еще девяносто восьмого года, без работы остался. А теперь что ей делать? Ежедневно наблюдать, как бывший муж строит свое новое счастье с секретаршей Настей? Ну это уж нет, это уж дудки.

Решительно открыв дверь, Марина с гордо поднятой головой быстро прошла к своему столу, придвинула к себе телефон. Потом нахмурила лоб, вспоминая номер. Господи, какой же это номер? Мысль позвонить Петру Алексеевичу Незнамову, директору фирмы-заказчика, который был у Марины буквально вчера и жаловался на отсутствие хорошего юриста, возникла у нее буквально на ходу. Будто искоркой в голове вспыхнула. Марина даже развивать ее не стала, просто ухватилась как за спасительную соломинку. Если повезет, она сегодня же уйдет отсюда. Прямо сейчас уйдет!

- Анна Семеновна, вы случайно не помните номер телефона Незнамова?
- Это который директор «Кронверка»? Представительный такой?
- Ну да.
- Нет, не помню.

– Так в договоре же есть, в реквизитах... – лениво подсказала со своего места Наташа. – Откройте договор да посмотрите.

- Ах да, чего это я... – тут же встряхнулась Марина, глянув на Наташу с благодарностью.

Дрожащими руками, выудив из нужной папки договор, она впиалась глазами в последнюю страницу. Есть! Есть телефон. Так, теперь набрать, улыбнуться заранее, чтоб голос получился спокойным и приветливым.

– Девушка, милая, соедините меня, пожалуйста, с Петром Алексеевичем, – душевно обратилась она к секретарше. – Это очень срочно.

- Как вас представить? – дежурноотреагировала на ее душевность секретарша.

– Меня зовут Марина Никитична Леонова, я начальник юридического отдела фирмы «Стройинвест».

– Минутку.

Марине показалась эта минутка вечностью. Будто жизнь ее зависела от этой самой минутки. Будто поговорить с Петром Алексеевичем в другое время никак нельзя было. В конце концов, можно было и просто так уйти, в никуда. Что для нее, работы никогда не найдется, что ли?

– Здравствуй, Мариночка Никитична! – зазвучал наконец на том конце провода радостный начальственный баритон Петра Алексеевича. – Что-нибудь у нас не так с договором? Вроде мы вчера к полному взаимопониманию пришли.

– Да все так с вашим договором, Петр Алексеевич. Я вам совсем по другой теме звоню. Вы вчера обмолвились, что страдаете без хорошего юриста.

– Ну да... Есть такое дело. Идет по конкурсу, понимаешь ли, шелупонь всякая безграмотная. А что, у тебя на примете есть кто? Чего звонишь-то?

– Нет. Нету у меня никого на примете. Я вам свою кандидатуру хочу предложить. Как, возьмете меня на работу?

– Ой, да с удовольствием, моя ты хорошая! Даже за честь почту! Только у меня, ты же знаешь, командовать нечем будет. А у тебя вроде целый отдел в подчинении.

– Ничего страшного. Да я и не люблю никем командовать. Ну так что, договорились, Петр Алексеевич?

– Договорились. А когда ты выйдешь?

– Да хоть завтра.

– Завтра? Ну что ж, замечательно. А тебя Лев отпустит вот так, сразу?

– Да. Я думаю, Лев Борисович меня отпустит. По крайней мере, я его об этом очень попрошу.

– Даже так?... У тебя что-нибудь случилось, Мариночка? Странная какая-то срочность. Ты учти, если надо, я и подождать могу.

– Нет. Не надо ждать. Я завтра утром к вам приду.

– Хорошо, жду.

Марина положила трубку, выдохнула из себя весь воздух, как после тяжелой спортивной нагрузки. Вот так, одним махом, взяла и перечеркнула пятнадцать последних лет рабочей жизни. Она ведь на эту фирму пятнадцать лет назад пришла, сопливой еще выпускницей института. Моложе Наташки была. Вместе со Львом Борисовичем они все тогда начинали. С нуля. С первых документов, с трудностей регистрации, с открытия счета в банке. Ладно, бог с ним. Не надо жалеть. Надо бежать, бежать отсюда.

Рука у нее все-таки дрожала, когда она писала заявление об уходе. Пара строчек на чистом листе бумаги смотрели куда-то вбок и вниз, будто слезами плакали. Или правда кто-то плачет? Или ей так кажется?

Подняв голову, Марина увидела прямо перед собой расквашенное полное лицо Анны Семеновны. Даже не почувствовала, когда та подошла к столу. Губы у женщины тряслись, глаза сверкали, переливаясь застывшими в них слезами. Из-за спины Анны Семеновны выглядывала Наташа – личико тоже расстроенное, бровки стянуты в одну ниточку.

– Мариночка... Мариночка, ну зачем же вы так? Не надо, не увольняйтесь, – жалобно проговорила Анна Семеновна и даже руку протянула, пытаясь вырвать у Марины из-под ладоней листок с заявлением. – Вот вы уволитесь, и меня погонят отсюда, к чертовой матери. А мне до пенсии еще полтора года осталось.

– Да никто вас не погонит, Анна Семеновна, чего вы... – улыбнулась ей виновато Марина.

– Ага... А помните, как два года назад было? Я тогда два месяца подряд на больничном была. Помните, как вы из-за меня с Львом Борисовичем ссорились?

– Не бойтесь, Анна Семеновна. Никто вас никуда не погонит. В конце концов, права не имеют. Вы ж сами знаете.

– Да кто бы еще с нашими правами здесь считался?! Заставят, и напишешь заявление, как миленькая. Не увольняйтесь, Мариночка, прошу вас. Ну не стоит ваш Олег такой жертвы.

– Да. Не стоит, конечно. Да это и не жертва никакая, просто... Просто не смогу я здесь работать. Тяжело мне будет. Поймите меня правильно.

– Мариночка Никитична, и правда, не надо вам увольняться... – заныла совсем по-детски Наташа. – Да ну его, этого вашего мужа, мы вам еще лучше найдем. Вы не думайте, тут все на вашей стороне! Все за вас переживают, а его, наоборот, осудили.

– Так вот чем вы в курилках на самом деле занимаетесь! – неуклюже попыталась разрядить слезную обстановку Марина. – За меня, значит, переживаете? Ну, спасибо. А я думала, вы там курите.

– Ой, ну хотите, я вообще курить брошу, Мариночка Никитична? Вот прямо с сегодняшнего дня и брошу? Хотите?

– И очень правильно сделаешь! – грустно рассмеялась Марина, вставая из-за стола. – А то несет от тебя вечно табачищем, как от мужика-ханыги. Позволь мне пройти, Наташ...

Слегка отодвинув вставшую перед ней девушку, Марина решительно вышла из кабинета, процокала каблуками в сторону приемной, стараясь не торопиться. Пусть все будет медленно и с достоинством. Пусть не думают, что она будет бежать отсюда, как нервная оскорбленная брошенка, уливаясь на ходу слезами. Не дождутся. И так помыли ей тут косточки порядочно за последнее время.

Секретарша Настя подняла на нее перепуганные оленьи глаза, глянула умоляюще, будто Марина ее бить собралась. За что тебя мне бить, милая девочка? Видно же, что ты и не виновата ни в чем. Ну, влюбилась в женатого, подумаешь. С кем не бывает. На то и молодость дана, чтобы влюбиться без ума в кого-нибудь. Пусть хоть и в Олега. Любовь, как говорится, зла. Нет, это она не к тому, что он козел, конечно... В него и впрямь можно влюбиться. Веселый, ухоженный, хорошо пахнущий, язык удачно подвешен. Ладно, живите.

– Лев Борисович у себя? – кивнула Марина в сторону кабинета начальника.

– А что? Да... Да, конечно, у себя, – торопливо заговорила Настя. Слишком торопливо. Марине так и хотелось ей сказать: да не бойся, не вцеплюсь я в твои красивые белобрысые волосы. Цела твоя прическа останется.

– Лев Борисович, я на минуту. – Держа перед собой листок с заявлением, Марина шагнула к столу начальника.

– Давай... Что там у тебя? Ага... Так... Понятно...

Лев Борисович вздохнул тяжело, устало стащил с носа красивые фирменные очки. Поморгал, потер лицо пухлыми белыми руками и, водрузив очки обратно на нос, уставился на Марину сердито:

– Ну? И чего, спрашивается, ты психуешь? Ну, загулял мужик... А ты поддай ему под зад хорошенько, чтоб на месте сидел, и все дела.

– Ага. Поддам, и он тут же меня обратно полюбит. Хороший выход.

– Ишь ты... А тебе, значит, любовь подавай, да?

– Так хотелось бы.

– Слушай, Марин... А ты помнишь, как я со своей Лизой пять лет назад разводился? Помнишь? Тоже в секретаршу свою влюбился, дурак.

– Помню, Лев Борисович.

– Ну? И чем все это закончилось, помнишь? Повлюблялся годок, а потом назад к Лизавете приполз. На коленях перед ней стоял, чтоб обратно приняла. И всю молодую любовь как рукой сняло. И твой тоже приползет, помани мое слово.

– Не знаю, Лев Борисович. Может быть. А заявление мое все-таки подпишите.

– Нет. Не подпишу. Мне проще, дорогая моя, твоего благоверного... То бишь теперь уже не совсем благоверного взащей прогнать вместе с этой девчонкой, чем... Что я себе, другую

секретаршу не найду? Хотя эту жаль будет, она очень толковая. Ну что, давай я с ними побеседую, чтобы проваливали оба отсюда? А?

– Нет. Я не хочу, Лев Борисович. Все равно я здесь уже не останусь. Ну не смогу я! И так уже на последнем нерве держусь. И вообще... Не надо ничего говорить, Лев Борисович. А то заплачу сейчас.

– Ну что ж, я понимаю. Ты женщина тонкая, чувствительная, тебе тяжело среди этих сплетен. Ладно, будь по-твоему. Хотя я бы плюнул на твоём месте! Может, плюнешь, Марин?

– Нет. Не плюется что-то.

– Ну что ж... Может, тебе с работой помочь?

– Нет. Я уже нашла себе работу. Я к Незнамову ухожу, в «Кронверк».

– Ага. Он хороший мужик, ты с ним сработаешься. А мне тебя жаль будет. Если надумаешь обратно... Ну мало ли! Я тебя сразу возьму.

– Спасибо, Лев Борисович. Я буду иметь в виду. Мне тоже очень жаль.

– Да ладно! – сердито махнул он на нее рукой. – Сама обездолила, а теперь ей жаль, смотрите-ка. С кем теперь мне работать? Со старухой этой, которая по полгода на больничных сидит? Иль с соплюхой, которая толком ничего не знает?

– Они справятся, Лев Борисович. Честное слово, справятся. Если что, мне позвонят, я им все расскажу.

– Ладно. Давай хоть на посошок по сто граммов, что ли? С лимончиком?

– А давайте! Как раз сто граммов мне сейчас и не хватает.

* * *

Марина уже долго гуляла по городу, никак не решаясь пойти домой. Ноги не несли. Что там делать, дома? Смотреть, как Олег складывает свои рубашки в чемодан? Просто классическая киношная ситуация: муж уходит из семьи. А жена сидит на диванчике, вся горестная такая, следит за его передвижениями по комнате. Нет уж, увольте. Хотя на холодном ветру тоже не легче. И в кафе сидеть за чашечкой кофе – тоже не легче. Хорошо, что Машки дома нет. Уехала к морю на все лето. А она еще отпускать ее не хотела! Не любила она отпускать дочь в чужие люди. Оно понятно, что с подружкой уехала, к подружкиной бабушке, и все же... Нет, все-таки хорошо, что Машка не увидит всего этого. А потом... Потом она объяснит ей как-нибудь. Машка умная не по годам, на лету все схватывает и истерик по поводу папочкин-ного ухода устраивать не будет. Хотя... Кто его знает, как она на все этоотреагирует? Надо бы Олега предупредить, чтоб не говорил ей пока ничего, если Машка ему позвонит.

Марина втянула в себя сырой воздух, остановилась на мосту, стала смотреть на темную воду внизу. Нет, шальных мыслей броситься вниз головой у нее как раз не было. Кто она, обманутая беременная девушка, что ли? Нет, вовсе нет. Просто пришла перемена жизни, вот и все. Другая волна. Так со всеми бывает. Конечно, от этой волны не легче. Конечно, захлестнула. Больно, горько, нестерпимо. Кажется, не пережить. Когда от мамы папа уходил, сколько ей тогда лет было? Столько же, сколько Машке сейчас, шестнадцать? Мама так убивалась, вспомнить страшно. Все плакала и говорила, говорила и плакала до бесконечности. А она слушала, понимая, что должна слушать, должна принять в себя часть маминой боли. Потому что слушать и принимать боль может только близкий от близкого. Ни одна подруга, даже самая лучшая, этого не сумеет. Да и не было у мамы таких подруг. Она скрытная была, гордая. Дома на кухне выла белугой, а к людям выходила с улыбкой. Чтоб никто, не дай бог, не догадался да жалеть не начал. Выходит, и она такая же – вся в маму. Даже с работы ушла. Только ей в отличие от мамы биться головой не в кого. Нет, хорошо, что она Машку отпустила, а то бы тоже соблазнилась. А за два месяца она как раз успеет настроиться на новую жизнь.

Черт, как холодно! Даже зубы стучать начали. А может, они не от холода, а от горя стучат? Пора домой. Интересно, сколько времени надо уходящему из семьи мужу, чтобы собрать чемодан?

Олег был дома. Пил чай на кухне. Две пухлые спортивные сумки стояли в прихожей, сиротливо прижавшись друг к другу, словно не хотели покидать насиженное годами место. Марина присела на скамеечку, стянула с ног мокрые ботинки, надела смешные меховые Машкины тапочки в виде двух Микки-Маусов. Хорошо. Ни с чем не сравнимое удовольствие. Микки-Маусы легкомысленно улыбались, ничуть не понимая важности и трагичности момента. Сейчас мужчина, отец их хозяйки, допьет свой чай, подхватит сумки и уйдет из дома навсегда, навеки. Марине вдруг нестерпимо захотелось завывать по-бабьи, броситься к Олегу на шею с рыданиями: не уходи, милый, не бросай меня. Черт его знает, может, и правда надо так сделать. Может, потом она и пожалеет, что не бросилась. В конце концов, она же всего лишь женщина, обыкновенная, по сути, клуша, прачка и кухарка, бегающая по дому с тряпкой и пылесосом. И обед в холодильнике всегда есть, и рубашки мужнины настираны да наглажены, и в доме уют. Хорошая жена. Порядочная. Честная. Аккуратная. Только брошенная теперь, как выяснилось.

– Марин... Ты чего там сидишь? – послышался из кухни неуверенный голос Олега. – Иди сюда, мне с тобой обсудить кое-что надо.

– Сейчас. Иду. Я замерзла. Сейчас немного согреюсь и приду. Включи чайник, пожалуйста.

– Так он только вскипел. Тебе налить?

– Да, будь добр.

– А может, ты поешь хочешь? Я разогрею.

Ого. Это уже что-то новенькое. Он ей ужин собрался разогревать! Это ж надо, как дело обернулось. Надо было ждать столько лет, чтобы муж о ней так позаботился. Совесть, что ли, замучила? Или жалко бросать такую хорошую жену с уютом, с чистыми рубашками? Неужели оценил напоследок?

– Нет. Ужина не надо. Я потом сама себе разогрею. В одиночестве, – заявила Марина насмешливо, стоя в дверях кухни. – Говори, что ты хотел со мной еще обсудить. Если ты о Машке беспокоишься, так я пока решила ей ничего не сообщать. Пусть отдыхает спокойно. И ты ни о чем не рассказывай.

– Ага... И правда, не надо. Пусть отдыхает. Только я не о Машке хотел.

– Да? А о чем тогда?

– Ну, в общем... Ты не дашь мне немного денег? Ну... Как бы взаймы?

– Так взаймы или «как бы»? – грустно хохотнула Марина, уставившись на мужа удивленно. Надо же. Он в такой ситуации еще и денег у нее просит!

– Пусть будет взаймы.

– Сколько?

– Тысяч двадцать. Хотя бы на первое время.

– Двадцать? Нет, не дам.

– А сколько дашь?

– Нисколько не дам.

– А зачем тогда спрашиваешь – сколько?

– Да так. Из вредности. Считаю, что это вместо слез и истерик. Компенсация такая. Понял?

– Понял. Ну, я тогда пошел?

– Иди.

– А ты больше ничего не хочешь мне сказать? Все-таки почти двадцать лет вместе прожили, без малого хвостика.

– Нет. Не хочу. Хотя могла бы.

– Так скажи!

– Слушай, пошел ты к черту! – вдруг резко повернулась к нему Марина. – Давай вали быстрее отсюда!

– Ну, зачем так грубо?... Я же ни в чем перед тобой не виноват, Марин. Я просто полюбил другую, понимаешь? Тут никто не виноват. А тебя... Тебя я тоже по-своему люблю. По привычке, что ли... Как близкого человека. Я думал, мы посидим, поговорим, я расскажу тебе все. Давай не будем вот так расставаться, Марин? Чтоб врагами. Если хочешь, я буду к тебе приходить.

– Зачем? Хвостик по кусочку отрезать?

– Какой хвостик?

– Ну, это притча такая. Хозяин очень жалел свою кошку и отрезал ей хвостик по кусочкам, чтобы ей не очень больно было.

– Где-то я это уже слышал... Совсем недавно...

– Да. Слышал. Так героиня Неёловой говорила из фильма «Осенний марафон». Вчера ночью показывали по телевизору. Ты как раз домой пришел... – Тихо уточнила Марина, подойдя к окну.

– А... Ну да. Черт, я и не знал, что так тяжело расставаться придется. Ладно, пошел я.

– Ага. Иди.

– Слушай, Марин... А если бы я передумал?... Ты бы смогла меня простить?

Ее будто током дернуло, так захотелось закричать ему в ответ: «Да, да! Конечно, простила бы! С кем не бывает! Сорок лет, мужской кризис, необходимость в самоутверждении, в черте с рогами». Она даже уже воздуху в грудь набрала, повернулась от окна... Но сказать ничего не успела. Просто увидела его лицо. Трусливое, но довольное. Сволочь... Он же все по ее глазам понял! Удостоверился лишний раз, что у него выбор есть. А когда есть выбор, всегда легче.

Лихорадочно сглотнув все рвущиеся наружу слова, она лишь просипела сдавленно:

– Уходи, Олег. Уходи быстрее, не доводи до греха. Я ведь и убить могу сгоряча. Вот, сковородкой хотя бы. Хочешь?

Для достоверности она даже схватила сковородку с плиты, выставила ее перед собой щитом. Олег попятился по узкому коридорчику в сторону прихожей, запнулся обо что-то, чертыхнулся. Марина вздрогнула от звука захлопнувшейся двери, осела на стул, прижала к груди ненужную уже сковородку. Ну вот, можно наконец и поплакать. Ну же! Все порядочные жены в такой момент плачут! А она сидит, как идиотка, обнимается с кухонной утварью. И зря, между прочим, обнимается. Костюмчик-то не успела снять. От сковородки могут и пятна остаться. Надо пойти, переодеться, что ли? И умыться заодно? А потом уж поплакать? А еще лучше – под душ залезть. Точно. Она будет стоять под душем, и упругие водяные струи будут смывать слезы с ее лица. Она как-то видела такой сюжет в мелодраматической киношке. Красиво было. Очень романтично. Поэтика страдания. Вот только бы встать, дойти до ванной. Только сил совсем не осталось. Все тело будто свинцом налилось. И дышать трудно. И в кухонном пространстве будто звон стоит. Нет, не звон, а гул. Тихий, тяжелый. Наверное, именно так и должен звучать первый вечер женского одиночества?

В ванной Марина выползла из одежды, как ящерица из надоевшей шкурки. Серый твидовый пиджак распластался ничком у ног, смялся в горестную складочку, будто онемел от унижительного к нему пренебрежения. И впрямь, онемеешь тут. Он же к другому отношению со стороны своей хозяйки привык, к безукоризненному. Чтоб на плечиках, чтоб в шкафу, где так хорошо пахнет лавандой, чтоб щеточкой по утрам.

Забравшись в ванную, Марина строго глянула на себя в зеркало. Как ей показалось, другими глазами. Повернулась боком, еще раз глянула. Нет, она еще ничего себе. И талия есть, и линия бедра не подкачала, и целлюлитом тело не так уж чтобы очень оскорблено. А

лицо... Лицо, конечно, ужасное. Не в смысле возраста – она всегда моложе своих лет выглядела. Порода у нее такая была, папина. Долго не стареющая. Просто лицо унылым было, серо-зеленым, с темными разводами под глазами. И сами глаза смотрели из зеркала так, будто она в ванную забралась не душ принять, а по меньшей мере вены себе резать. И волосы обвисли по краям жалкими прядками, будто сроду хорошей укладки не знали. Нет, надо скорее включать воду, сильно горячую, упругую, чтоб обожгло, чтоб разогнало всю кровь.

Горячей воды в кране не оказалось. Очередная опрессовка нагринула. Марина с возмущением крутила кран и так и эдак, но он только фырчал обиженно отголосками пустых сливных труб. Вот так вот. Приехали, называется. В последнюю точку отчаяния. Марина вдруг увидела себя со стороны – голую, несчастную, замерзшую и душой, и телом. И заплакала наконец. Сидела в холодной ванне и тряслась от холода и от накативших волной слез. Такое вот получилось ледяное отчаяние. В неприкрытом виде. То есть в абсолютно голом. Можно было еще и головой о кафель побиться, но голова и без того болела нестерпимо. Нет, голову и впрямь было жалко. Завтра ж на новую работу выходить! Как она туда пойдет, с разбитой головой?

Икая от слез и отчаянно жалея себя, так и не согревшуюся, Марина кое-как выползла из ванной, закуталась в махровый мужнин халат. Мельком подумалось: надо же, халат забыл. Ничего толком и до конца сделать не может, даже от жены уйти. И бритвенный станок забыл, и воду туалетную на полочке. Дорогую, французскую. Ничего, Настя ему новую купит. И пусть, и пусть... А она сейчас горячего чаю напьется, согреется и спать завалится. Или поесть надо? Надо, наверное. Тем более ужин у нее готов, она со вчерашнего вечера котлет нажарила. Мясо – это хорошо. Говорят, когда сильно нервничаешь, надо обязательно мяса поесть.

Занявшись привычными ежевечерними хлопотами с ужином, Марина и сама не заметила, как перестала плакать. В голове было гулко и пусто, руки делали привычную работу. Ну вот, стол накрыт, можно сесть и накормить свой истощенный стрессом организм. Уже поднеся ко рту кусок горячего сочного мяса, Марина с удивлением уставилась на тарелку на другом конце стола. Что это? О господи, она же на двоих накрыла. Чисто автоматически. На себя и на Олега. Черт, черт! Нет, это уже невозможно вытерпеть. Когда этот проклятый день соизволит наконец закончиться? Издевательство над брошенной женщиной, а не день! И снова горло спазмом перехватило.

Однако заплакать Марина не успела – телефонный звонок помешал. Это мама, наверное. Который сейчас час? Половина десятого? Ну точно, мама. Она всегда в это время звонит. Изю дня в день. Когда очередная серия новорусского мыльного действия заканчивается. Говорить ей или не надо? А почему, собственно, нет?

– Да, мам, привет, – выдохнула Марина в трубку и сама испугалась своего слезно-хныкающего голоса. Да по одному голосу сразу ясно было, что у нее тут ситуация – из ряда вон.

– Господи, доченька, что случилось? Почему ты плачешь? С Машенькой что-то? С Олегом? Говори быстрее, иначе у меня инфаркт будет! – почти заголосила в трубку мама. Марине даже показалось, что она увидела ее лицо в этот момент – не то чтобы сильно испуганное или огорченное, а скорее недовольное. У меня, мол, сердце больное, а вы меня своими неприятностями совсем до могилы довести хотите.

– Да не бойся, мам. Ничего особенного. Все живы и здоровы. Просто от меня Олег ушел.

– Как – ушел? Куда – ушел?

– Сама знаешь, куда мужья от жен уходят.

– О господи... Только этого мне еще не хватало!

– Мам, а почему ты говоришь – «мне»? Вроде как проблема-то не твоя? – стараясь удерживать в себе удивленную обиду, тихо проговорила Марина. – Это ж мой муж ушел. Вроде моя проблема-то.

– Ага, как же, твоя. Ты хоть понимаешь, чего ты меня лишила?

– Чего, мам?

– Спокойной пенсии, вот чего! Нет, я знала, я всегда подозревала, что ты со мной чего-нибудь подобное вытворишь.

– Мама! Я прошу тебя, мама! Не надо сейчас так со мной разговаривать! – почти провyla в трубку Марина, уже жалея, что рассказала обо всем матери. – При чем тут твоя пенсия, мама?

– Перестань! Хватит плакать! Терпеть не могу, когда ты плакаешь!

Услышав знакомое и ненавистное с детства слово, Марина лишь горько усмехнулась. Да, давно она от мамы этого «не смей плакать» не слышала... В понятие это – «плакать» – у мамы входило все: и дочкины слезы, и непокорная ее строптивость, и собственное мнение, и вообще по-маминому получалось, что она всю свою сознательную жизнь только и делает, что «плакает». То есть ведет себя совсем не так, как хотелось бы маме.

– Хорошо, мам, я не буду плакать. Мне вообще сейчас не до этого. Считаю, что я просто поставила тебя в известность, и все.

– Ага, в известность она меня поставила. Спасибо, дочь. Спасибо, что лишила заслуженной старости. Вернее, ее смысла.

– Как это? Не поняла? А какой у старости может быть смысл? То есть... Нет, я хотела сказать, что ты еще не...

– Ладно, обойдусь без дочерних реверансов. А насчет смысла я тебе так отвечу: смысл любой старости заключается в благополучии детей. Поняла? Старикам только тогда хорошо, когда у детей все ладится. А если от детей покоя нет, то и старости, считай, нет.

– А я что, твой покой нарушила, мам? Я на шею тебе села? Я молодая, здоровая, зарабатываю хорошо.

– Да при чем здесь – молодая и здоровая? Все брошенные мужьями женщины тоже молодые и здоровые. Я же не в этом смысле! Тут дело не в деньгах и не в здоровье, а в ощущениях. Когда женщина-дочь с семьей не устроена, она по определению уже выпадает из ряда счастливых и успешных. Это же ясно как божий день. Нет, ты меня убила, совершенно убила.

– Прости, мам. Я нечаянно. Я больше так не буду, – с сарказмом проговорила Марина.

Но мама, казалось, сарказма в ее голосе вовсе и не заметила.

– Значит, так... Я вот что сделаю, Мариночка. Я работать пойду. Я, как ты утверждаешь, еще не совсем старая, меня еще на работу возьмут...

– Да не надо, мам! Ты что? Зачем? У тебя сердце большое!

– Молчи. Я знаю что говорю. Нам с тобой еще Машеньку в институте учить надо, потом замуж ее отдавать... Бог с ней, с пенсией. Я тебе помогать должна.

– Не надо мне помогать, мама. Я сама с Машкиным образованием и замужеством прекрасно справлюсь. Да и Олег поможет.

– Ага! Поможет он! Как же, жди! Ты чего, совсем наивная? Твой отец, когда от меня ушел, много тебе помогал? Ну скажи? Много?

Так. А вот на эту тему выкручивать совсем не стоит. Опасно. Тема эта даже за давностью лет пока не утратила своей злободневности. И если мама, не дай бог, на нее свернет, то...

– Ой, мамочка, извини! Извини, ради бога, у меня мобильник в сумке надрывается! Наверное, Машка звонит! Да, и вот еще что: если Машка тебе будет звонить, ты ей не говори ничего, ладно? Ну все, пока, целую! – жизнерадостно пропела в трубку Марина и торопливо нажала на кнопку отбоя. Все, хватит. Поговорили, и будет. На сегодня с эмоциями уже перебор. Надо доест котлеты, напиться чаю и спать, спать. Завтра новый день, новая работа. И новая жизнь. Пусть со вкусом одиночества, но все равно – новая.

* * *

– Слушай, а ничего квартирка-то! Если здесь уют навести, то вполне даже... Тебе нравится, Настеньш?

– Да, нравится. Мне все, что с тобой связано, давно уже нравится.

Настя по-кошачьи пролезла Олегу под руку, заглянула в лицо снизу вверх, потом потерлась лбом о его колючий подбородок:

– Олег, мне даже не верится. Мы и правда теперь будем вместе?

– Правда, Настеньш.

– Всегда-всегда? До самой смерти?

– Ага. Как в сказке. Они полюбили друг друга и умерли в один день. Но поскольку до смерти нам с тобой еще далеко, может, пока поужинаем? Как у нас насчет ужина? Есть какие-нибудь соображения? Я голодный как волк. И нервный от пережитых потрясений. Все-таки не каждый день из семьи ухожу.

– Ой, Олег... И правда, как нехорошо получилось с Мариной Никитичной. Я такой виноватой себя перед ней чувствую! Она когда зашла сегодня в приемную, я чуть сквозь землю не провалилась, ей-богу! Еще немного, и под стол бы залезла от страха.

– Ишь ты! – насмешливо встряхнул ее Олег за плечо. – Мужика из семьи увела, еще и про страхи рассказывает.

– Я не уводила. Ты же знаешь, я не хотела. Ты сам.

– Да знаю, знаю. Шучу я. Ну так что у нас там с ужином? Будешь меня кормить или нет?

– Ага... Я сейчас яичницу с колбасой. Ой! Телефон! Это твой или мой звонит?

– Твой, кажется.

Выскользнув из-под его руки, Настя резво бросилась в прихожую на зов своего моби́льника. Олег с удовольствием посмотрел ей в след, потом улыбнулся. Он готов был сутками на нее смотреть – на то, как она говорит, как улыбается, как молчит, как резво и трогательно перебирает тонкими ножками при ходьбе, и потом, эта ее детская манера сдвигать длинную челку со лба... Ребенок, чистый ребенок! У него даже однажды сомнения нехорошие на свой счет в голову закрались: нет ли у него тайных педофилических пороков? А что – говорят, сейчас этим каждый второй мужик страдает. Хотя в Насте никаких Лолитиных прелестей вроде нет. Просто она по природе маленькая, худенькая. Да и по возрасту на Лолиту не тянет – двадцать пять лет уже. Давно замуж пора. А раз пора – почему не он должен занять это счастливое место? Дочь свою он, считай, вырастил. Марина в нем тоже особо не нуждается – женщина вполне самостоятельная, не больная и не идиотка. Ну, пострадает, конечно, какое-то время. Куда без этого. А потом перестанет. Еще и спасибо ему скажет. И вообще – кому сейчас легко? У нее хоть квартира своя есть, от бабки в наследство досталась, а им с Настюшей и жить пока негде. Вот, пришлось квартиру снимать. А что дальше будет – одному богу известно. Но дальше – оно и есть дальше. А сегодня он счастлив. Здесь и сейчас, в этой однокомнатной снятой хрущевке. Рай в шалаше. Если бы еще пожевать чего-нибудь, то совсем бы был счастлив, бесповоротно и окончательно.

– ...Нет, Кать. Я сегодня никак не могу... – Настя появилась в проеме двери, прижимая серебристую трубочку телефона к уху. Вид у нее был виноватый.

Опять эта ее подружка! Господи, до чего ж настырная девчонка! Звонит через каждые полчаса.

– Ну да... Переехали... Адрес? Ага, записывай. Гурзуфская, двадцать семь, квартира пятнадцать. Ну да, у черта на куличках, а что делать? Зато недорого. Да вполне прилично. Приезжай, сама увидишь. Это кто там верещит? Лизка? Ты с ней приедешь? Ага, соскучилась. Ага, давай.

– У нас что, гости намечаются? – улыбнулся ей Олег, стараясь не показать своего недовольства. – Катюша без тебя ни одного дня прожить не может?

– А ты что, против? – удивленно подняла Настя свои белесые бровки.

– Нет, что ты.

– Олег! Ты же знаешь, мы с Катей как сестры. Она даже жила у нас какое-то время, когда у нее мама умерла, а отчим из квартиры выгнал. Да я ж тебе рассказывала!

– Ну да, ну да.

– И Лизочку я тоже очень люблю. Она мне как дочка.

– Слушай, я все хотел у тебя спросить... А папаша у Лизочки – он кто? Или его вообще никогда не было?

– Да был, был папаша... Только как будто и не было. Теперь у него другая семья. Он и Лизу своей дочерью не признал.

– Понятно. Трагическая история. Она забеременела, он сбежал от ответственности.

– Да. Хотя бы и так. Только я не понимаю, почему ты таким тоном.

– Все, все, Настеньш! Сдаюсь. Не будем ссориться. У нас, понимаешь ли, новоселье намечается, к нам гости толпами со всех концов едут, а мы тут ссоримся. Давай быстро, мечи на стол все, что в доме есть.

– Ага! Бегу! Мечу! – отозвалась Настя радостно. – Только метать особо нечего, конечно. Слушай, а может, ты в магазин сходишь? Тут недалеко, в соседнем доме.

– Я? В магазин? – удивленно уставился на нее Олег и тут же произнес: – Да легко. Конечно, схожу. Говори, что купить.

Он и не помнил даже, когда в последний раз покупал продукты в магазине. Марина не посылала его в магазин. Она говорила, он обязательно купит что-нибудь не то. Хотя чего тут особенного – продукты купить? Колбаса, она и в Африке колбаса. А сыр, он и в Голландии сыр. Так, что еще?... Ага, вина надо купить! Гости в доме все-таки. Ого. А цены, цены-то какие!... Странно, он до сих пор был уверен, что батон белого хлеба сущие копейки стоит. Что ж, хорошая получилась экскурсия, полезная. Спасибо Настюхе.

Дверь квартиры ему открыла Катя. Успела уже, приехала. Шустрая девчонка. Рыжая, быстроглазая. Не нравилась она ему именно этой шустростью, все время крутилась под ногами на правах лучшей Настиной подруги. И чего крутиться, спрашивается? Лучше б дома сидела, воспитанием дочки Лизы занималась. Хотя дома у нее своего тоже нет – снимает где-то квартиру, как и они с Настей.

– Ты что, на метле прилетела, что ли? Как Баба-яга? – буркнул Олег не совсем вежливо. – Времени всего ничего прошло.

– Нет. На машине ехала. Повезло, пробок не было. Да в этой тьмутаракани вообще пробок не бывает! А я быстро езжу.

– Вот именно, что быстро! – подала голос из кухни Настя. – Не едешь, а гоняешь, как сумасшедший Шумахер! Ты поругай ее, Олег, поругай!

– Ой, да ладно! Не ворчи, подруга. Сама же знаешь – волка ноги кормят. А одинокую женщину – колеса! Надо же как-то на жизнь зарабатывать. Вот и кручусь-верчусь. Давай пакет, – весело повернулась она к Олегу, – сейчас за стол сядем. Отметим ваше счастливое соединение.

– Мам... А можно, я этим поиграю? – притопала в прихожую из комнаты Катина дочка, держа в руках небольшую шкатулку. Тоже рыжая и быстроглазая, в мать.

– Не знаю, Лиз... А ты у тети Насти спроси. Где ты вообще это взяла?

– Там, в ящике... Я за ручку потянула, он и открылся...

– А ящики в чужом доме открывать нехорошо, – назидательно погрозил пальцем девчушке Олег.

– А почему?

– А потому, что ты здесь в гостях. А в гостях надо вести себя прилично.

– Так я же ее не открыла еще, я разрешения пришла спрашивать.

Лиза надула губки, вопросительно уставилась на мать, прижимая к груди шкатулку. Катя пожала плечами, потом махнула рукой – ничего, играй, мол. Забрав из рук Олега пакет с продуктами, тут же умчалась на кухню, зашебетала там о чем-то с Настей. Олег чуть поморщился,

помялся неприкаянно в маленьком коридорчике, потом заглянул в комнату. Лиза сидела на вытертом ковре, рассыпав вокруг себя содержимое шкатулки, перебирала в руках то ли пуговицы, то ли брелки, то ли монетки какие-то. Хозяйские. Вот и все вам воспитание. Несерьезная все-таки эта Катька! Его Машка, помнится, ничего подобного себе в гостях не позволяла. Марина дочерью занималась, всегда ей внушала, как можно себя вести, а как нельзя.

Лиза, словно почувствовав недовольство Олега, подняла глаза, засопела сердито носиком. Олег улыбнулся ей довольно равнодушно – ему-то какое дело? Не хочешь воспитываться, и не надо. Живи невоспитанной. Чужой ребенок – чужие заботы.

– Олег! Лизочка! Идите ужинать, все готово! – весело прокричала из кухни Настя.

– Я не хочу. Я в садике ела.

– Ну да, с каких это пор детей в садике кормят ужином? – удивленно спросила Настя, заходя из кухни в комнату. – Давай-давай, пошли...

– Я правда не хочу. Я в полдник две булки съела, свою и Сонькину! Она булки не ест, ей мама не велит. Говорит, что она и так толстая.

– Ну что это за еда – булки?... – не унималась Настя. – Да и когда он был, твой полдник!

– Да ну, Насть, отстань от нее... Не хочет, не надо. Проголодается, сама попросит! – урезонила подругу Катя. – Давайте сядем уже, а то нам с Лизкой еще домой ехать.

В общем, первый их совместный семейный ужин прошел в теплой дружеской обстановке. Катька произнесла довольно сносный тост, пожелав им любви и счастья, заставила поцеловаться, выпила полбокала вина, съела всю колбасу и срочно засобиралась домой. Зачем приезжала, спрашивается? Они и без нее могли счастья себе пожелать, и тем более поцеловаться. Ладно, бог с ней, с Катькой. Все равно у него сегодня состояние души такое... всепрощающее. И даже если бы Катька вместе со своей невоспитанной дочкой ночевать у них осталась, он бы и это вытерпел. Хотя, не дай бог, конечно.

Когда за ними закрылась дверь, он решил совершить еще один подвиг. Обняв Настю, шепнул ей на ушко:

– А хочешь, я посуду помою?

– Ага. Помой, – довольно просто согласилась она, будто и не заметила его подвига. А может, и впрямь не заметила?

– Я очень, очень люблю тебя, малыш... Я так счастлив! И все у нас с тобой будет замечательно. Ты мне веришь?

– Верю. И я тебя тоже люблю. Только спать хочу безумно. Ты помоги мне с диваном разобраться, а потом посуду помоешь. Ага?

Когда он кое-как покончил с посудой и распахнул ее по шкафам, Настя уже крепко спала, разметав по подушке светлые волосы. Глядя на нее, он чуть не прослезился от умиления. Ангел, чистый ангел. Его ангел. Нет, все-таки есть в нем что-то порочное от проклятого судьбой бедного Гумберта Гумберта, точно есть. Хоть сотая доля, но есть. Набоков вообще был гений, взял и воспел природный мужской порок.

Раздевшись, Олег лег рядом с Настей, обнял хрупкое юное тело, и любимая причмокнула во сне совсем по-детски, перевернувшись на другой бок. Он не стал ее будить. Заснул тут же. Трудный был сегодня день...

* * *

Новый коллектив принял Марину настороженно. Наверное, потому, что не со стороны пришла, а по волевому решению начальника, Петра Алексеевича Незнамова. Кто его знает, откуда он ее привел? Может, она ему родственницей приходится? Или вообще любовницей? Приглядится и начнет устанавливать свои порядки. Слишком уж подозрительно начальник

перед ней козликом прыгает. Даже к себе в кабинет не вызывает – сам с бумагами к ней бежит. И заместитель его туда же – распустил перед ней крылья, галстуки меняет каждый день.

Заместитель Петра Алексеевича по имени Валерий Ильич показался Марине достаточно противным. Заслуженного пенсионного возраста дядька, но молодящийся. Про таких говорят «павиан». Пиджаки носил модные, рубашки яркие, штиблеты начищенные. Но лысину и масляные похотливые голубенькие глазки, окруженные старческой сеткой морщин, никакой модной одежкой не прикроешь. И манерным обхождением тоже. А еще говорят, что стареющие, но молодящиеся женщины смешны... Да ничего подобного! Женщины – они как-то сами по себе молодятся, без лишних телодвижений. С комплиментами дурацкими не пристают, ручек не целуют, в дверях подчеркнуто галантно не расшаркиваются. Поначалу Марина старалась просто не замечать павианского поведения Валерия Ильича, но потом все же начала раздражаться. Противно же! Зайдет к ней в кабинет с утра, улыбнется медово-сахарно и тут же за руку – хватать! – позвольте, мол, приложиться с почтеньищем. И, главное, долго так прикладывается, мнет руку в мягких и чуть влажных ладонях. Фу... А ей в это время что остается делать? Лысинку его розовую сверху обозреть?

Работы для нее на фирме оказалось непочатый край. И это было хорошо, потому что когда работы много, ни о чем другом уже не думаешь. То есть не думаешь о том, что в твоей жизни произошло. Приходишь домой уставшая, голодная, на весь белый свет злая. Да еще эти звонки... Почему-то такого рода новости разносятся среди знакомых с бешеной скоростью, и каждый норовит свое дружеское участие выказать. И обозвать Олега обидными словами – и сволочь он, и гад неблагодарный, и тряпка, и маменькин сынок, и бог знает кто. А еще звонящие почему-то начинают свои версии его ухода выдвигать и упражняться в психологических пассах, будто ей от этого легче станет. Будто она и сама не знает о том, что все двадцать лет брака его опекала, как ребенка малого. Любила, потому и опекала! Бить его надо было, что ли? Ну да, он маменькин сынок. Но какой уж достался, простите. А потом она решила трубку вообще не брать. Зачем? Чтобы проплакать потом полночи в подушку?

– Марина Никитична, вы на подарок шефу деньги сдавать будете? – Вопрос вывел ее из грустной задумчивости. – У него в пятницу юбилей...

Марина подняла глаза. В дверь заглядывала секретарша Таня.

– Да вы что? У Петра Алексеевича юбилей? А я не знала, – встрепенулась Марина.

– Ну так будете? Мы все по пятьсот рублей собираем.

– Да-да, конечно, – закрутилась Марина, пытаясь выудить из висящей на спинке стула сумки кошелек. – Вот, Танечка, пожалуйста.

Танечка цапнула у нее из рук купюру и направилась было к двери, но не стерпела, вернулась обратно, решив немного посплетничать:

– Представляете, мы все вроде как в ресторан намылились, а сегодня шеф нас обломал. Здесь, говорит, праздновать будем, в офисе. Представляете? А я, как дура, платье новое купила, и туфли.

– Что ж, сочувствую, – отозвалась Марина.

– Ага. Все пропадет теперь. Зря потратилась.

– А почему, собственно, зря, Танечка? Платье ведь можно и сюда надеть?

– Сюда? – скривилась Таня. – Еще чего не хватало! Для кого тут одеваться-то? Тут же все свои. Тем более старые все.

– Ну почему же? По-моему, в отделе маркетинга есть симпатичные ребята, и в техническом тоже.

– Так они женатые все. Или занятые. В общем, что ни говорите, а все равно облом. Полный. Куда я теперь это платье надену, ума не приложу!

Про юбилей своего нового шефа Марина вспомнила только в пятницу, когда пришла утром на работу. Офисный народ был весь при параде – не в вечерних платьях, конечно, но

при костюмчиках, легкомысленных юбках и модных блузках, кто во что горазд. И с прическами. И с макияжем. Как же она сумела забыть? Притащилась на работу в своем обычном деловом костюме и черной водолазке, будет теперь за столом сидеть как грустная мышка в серой шкурке. А в принципе все равно. Забыла и забыла. Посидит немного, юбиляра поздравит и уйдет. Заодно и новый коллектив рассмотрит как следует. В расслабленном виде. Говорят, если хочешь узнать человека, надо напоить его допьяна. Так и коллектив – на общих мероприятиях с выпивкой сразу все подводные камни наружу выходят. Что ж, посмотрим.

Уйдя с головой в дела, она и сама не заметила, как наступило послеобеденное время. Выйдя из кабинета в туалет, Марина обнаружила, что народ уже суетится вовсю – из кабинета Петра Алексеевича слышался звон посуды, озабоченная офис-менеджер с красивым именем Виола налетела на нее в дверях туалета, держа перед собой огромную вазу с фруктами. Марина шарахнулась в сторону, прижалась к стеночке. Зайдя в туалет, обнаружила там перед зеркалом настоящее женское собрание – кто-то кому-то поправлял прическу, кто-то просто прихорашивался. Крупная молодая бухгалтерша по имени Альбина, близко придвинувшись к зеркалу и соорудив страшную рожицу с выпученными глазами, возила по ресницам изогнутой щеточкой. Увидев позади себя в зеркале Марину, она прервала свое занятие и глянула на нее не очень дружелюбно, будто Марина помешала ей ресницы мазюкать. А может, Альбине ее вид затрапезный не понравился. А может, у нее просто характер такой, сильно воинственный. Одета была Альбина в сильно обтягивающие полный квадратный зад черные блестящие брючки и красную декольтированную разлетаюку до пояса, ничего хуже для ее комплекции и придумать нельзя. Вот если б ее, Марину, заставили так одеться, она бы и под китайскими пытками не согласилась. Хотя фигурой ее природа не обидела, не то что эту слоноподобную Альбину.

– Так, девочки, садимся, Петр Алексеевич приглашает уже! – заглянула в дверь Виола и обвела собрание своим полубезумным взглядом. Протолкавшись к зеркалу, она быстро приблизила к нему румяное влажное лицо и защелкала пальцами: – Ой, дайте мне кто-нибудь светлую пудру! А то рожа красная, как из парилки. Забегалась совсем. Все, девочки, идем, идем!

Зайдя к себе в кабинет, Марина тоже решила немного привести лицо в порядок. Вытащила из сумки пудреницу, контурный карандаш, помаду, но применить в деле все это хозяйство не успела, в дверь вкрадчиво постучали, и тут же появилась бледная физиономия Валерия Ильича:

– Я не помешал, Мариночка? Можно?

– Да. Заходите, Валерий Ильич, – вежливо проговорила Марина, одним движением сбрасывая косметику в ящик стола. – Слушаю вас. – А про себя подумала: «Каким ветром тебя занесло так не вовремя, старая ты липучка».

Валерий Ильич уселся перед ее столом, заморгал умильно мутными глазками. Марина учуяла запах коньяка, видно, руководство уже с утра с юбилеем поздравилось.

– Ну что, Мариночка, первая мазурка за мной? – игриво хохотнул Валерий Ильич и дернул головой вверх-вниз по-гусарски.

Ишь ты. Мазурку, значит, тебе подавай? Поручиком Ржевским себя мнишь? Для начала бы в зеркало погляделся, павиан чертов. А самое противное – ведь и впрямь от нее не отстанет! Надо будет улучшить момент да вовремя смыться, чтоб в танцевальные объятия к этому павиану не попасть.

– У меня все танцы на сегодня расписаны, Валерий Ильич, – улыбнулась она ему холодно.

– А у вас, я смотрю, язычок остренький, Мариночка. К вам так просто и не подберешься. Надо же, а с виду такая скромница!..

– Я и есть скромница. И подбираться ко мне не надо, Валерий Ильич.

– Ну и зря, Мариночка! Вы же еще молодая женщина, надо как-то уметь раскрепощаться. Зачем себя раньше времени со счетов списывать?

«Это он мне говорит, что я – молодая? То есть еще молодая! – с возмущением подумала Марина. – Как будто старуху успокаивает. До чего ж самоуверенный старикан!» А вслух ответила:

– Я подумаю об этом на досуге, Валерий Ильич. Спасибо. У вас ко мне все? Вопросов больше нет?

– Это вы на что намекаете? Чтобы я убирался восвояси? Так я, собственно, за вами сюда и шел. Там уже все собрались, я даже место для вас занял.

– Да. Я сейчас приду. Через минуту.

– Жду. Жду. С огромным нетерпением, Мариночка.

Он встал, резко наклонил голову, даже попытался ловко и галантно прищелкнуть каблук. Правда, никакого щелчка и в помине не получилось, просто дрыганье вышло невнятное – то ли легкий прыжок, то ли судорогой ногу свело. Внутри у Марины закипела странная смесь раздражения и смешливости, ей даже пришлось резко отвернуться и закусить губу.

Дождавшись, когда Валерий Ильич выйдет из кабинета, Марина торопливо схватила помаду, провела ею по губам. Вообще она редко пользовалась помадой – не шло ей. Казалось, рот от нее становился слишком чувственным. Но не сидеть же совсем уж серой мышью среди сплошного женского макияжа! Если бы этот хрыч не зашел, то и глаза бы успела подкрасить. Они у нее, между прочим, тоже большие. А если ресницы тушью чуть тронуть – на пол-лица распахиваются. Олег тогда, двадцать лет назад, так ей и говорил: «Утонул в твоих глазах». Если вдуматься – пошлость какая, господи. Избитая графоманская фраза для дурных влюбленных. А тогда как приятно было! Полетела замуж, аки белая горлица. Стояла перед строгой теткой в загсе, едва дыша от любви и официальной торжественности момента. Думала – на всю жизнь. И в горе, и в радости. Да чего там – еще неделю назад так думала.

Когда она вошла в большой кабинет шефа-юбиляра, народ уже расселся по своим местам. Именно так, как и полагается по неписанным офисным правилам. Начальство тусовалось одной кучкой, подчиненные – другой. С соблюдением должностной иерархии. Краем глаза Марина увидела, как подскочил со своего стула Валерий Ильич, помахал ей призывно ручкой оттуда, из начальственной кучки. Сделав вид, что не заметила его страстных призывов, Марина быстро присела на свободный стульчик с самого края стола, уперла взгляд в пустую тарелку. Потом положила на нее бутерброд с икрой, застолбила за собой место, значит. Некультурно, конечно, но так надежнее. Сидящая справа белобрысая девчонка посмотрела на нее настороженно и удивленно, потом, наклонившись к уху, прошептала быстро:

– Ой, а вас туда зовут... Там Валерий Ильич...

– Да ничего страшного! – по-свойски махнула ей рукой Марина и улыбнулась. – Мне здесь больше нравится! Вы не будете возражать, если я с вами рядом посижу?

– Нет, что вы?... Нет конечно!.. – радостно улыбнулась в ответ девчонка. – Тогда давайте я вам вина налью. Сейчас первый тост уже скажут.

Поздравительную речь произнес Валерий Ильич. Витиевато и с чувством. И про славный трудовой путь юбиляра помянул, и про добрый, но строгий характер, и про широкие демократические взгляды, и даже про замечательное его членство в партии «Единая Россия». Как же достойному руководителю без партии обойтись? Вообще никак. Без нее и юбилей никогда не наступит. В конце речи народ с шумом повскакивал со своих мест, потянулся бокалами к обладателю всех этих достоинств. Кто смог, тот дотянулся, а кто не смог, так выпил. Марина тоже с удовольствием осушила свой бокал. Очень пить хотелось. Да и вообще расслабиться.

Откусив от бутерброда и почувствовав, как в голове приятно зашумело, она снова обратилась к своей соседке:

– Слушай, а тебя как зовут? Ничего, что я на «ты»?

– Нет. Ничего. Нормально. Меня Лилей зовут. А вас Мариной Никитичной, да?

– Точно. А ты давно здесь работаешь?

– Нет. Я тоже новенькая. Две недели назад устроилась. Толком не знаю никого.

– О! Сестра по несчастью, значит! Ну, тогда наливай, Лиля, там уже новую речь собрались говорить.

После четвертого тоста Марина почувствовала себя совсем хорошо. Пробежалась взглядом по лицам – нормальные вполне люди! Едят, смеются, женщины глазками стреляют, мужчины остроумничают вовсю, кто как может. Обыкновенная корпоративная вечеринка. Классическая. Скоро наверняка музыку включат, плясать пойдут.

Не успела Марина подумать о музыке, как она тут же и грянула разухабистым шлягером Дженнифер Лопес, под который так и хочется пуститься в пляс, невольно повторяя движения сексапильной латиноамериканки. Народ тут же задвигал стульями, освобождая себя из плена. А дальше – тоже все как обычно, все по сценарию. Женщины стали танцевать, а мужчины гуськом потянулись к выходу – курить. Лиля тоже вскочила со своего стула, потянула Марину в круг танцующих. Что ж, можно и приобщиться. Отчего ж нет? Раз пошло такое веселье. Не оставаться же за столом в одиночестве? Тем и хороши эти корпоративные вечеринки, что создают иллюзию единения людей, собранных в одном месте волей обстоятельств. Когда идешь на новое место работы, ведать не ведаешь, с кем тебя судьба столкнет. Хочешь не хочешь, а дружи! Люби их всех, преодолевай комплекс вынужденного общения, улыбайся в ответ мило и пьяненько. Ничего, нормально. Под Дженнифер Лопес отплясали, теперь и под нашу звезду-фабрикантку можно, и даже под Сердючку можно, чего уж там. Хотя Марина эту Сердючку терпеть не могла и в трезвом нормальном виде ни за что бы не стала выделять ногами смешные коленца в соответствии с предлагаемой ею кудрявой и бесшабашной мелодийкой. А что делать? Ешь что дают. Все выделявали, и она выделяла. Только почему-то оборвалась Сердюкина песенка на полуслове, освобождая место Филиппу Киркову с его надрывным «...немного жаль моей любви...» Что это? Шутка невидимого диджея?

Сразу в стайке отплясывающих женщин появилась неловкость – кто, стоя на месте, размахивал ладошками перед лицом, одновременно пытаясь остудить раскрасневшиеся щеки и заодно пошнырять глазками в надежде, не идет ли кто из мужчин приглашать на медленный танец, а кто скромной ланью рванул на свое насиженное место, делая вид, что вот нисколько никому и не нужен этот медленный танец, ну вот нисколько! Просто, понимаете ли, пить ужасно захотелось, да и тортик на столе стоит. Марина, тоже остановившись, с ужасом увидела, как резво пробирается к ней сквозь толпу Валерий Ильич. Отступать было поздно. Да и некуда. Может, тоже резвой ланью на свое место рвануть? Бесполезно, он ее и там достанет. Надо будет отнекиваться как-то, ставить мужчину в неловкое положение. Лучше всего – вообще сбежать. Домой. Отступив машинально назад, Марина совсем было развернулась, чтобы осуществить свой коварный план, и тут же ткнулась плечом в широкую мужскую грудь в синей рубашке с голубым галстуком в серую полосочку. И пролепетала в эту грудь неожиданно для самой себя:

– Разрешите вас пригласить.

Остальное действие провернулось перед ней как в круговой панораме. В ритме медленного танца. Сначала проплыло рядом удивленное и обиженное лицо Валерия Ильича, а потом – о ужас! – выскочило откуда-то в кадр лицо той самой слоноподобной девушки Альбины, что давеча презрела ее в туалете ни за что ни про что. Глаза ее метали вполне осязаемую женскую досаду и злобу, и все это было направлено именно на нее, на Марину. Странно. За что? Что она такого плохого сделала?

– Спасибо, Марина Никитична, что пригласили меня на танец. Я очень, очень вам за это благодарен, – со странной душевностью в голосе проговорил, наклонившись к ее уху, случайно выхваченный из толпы кавалер.

Марина подняла голову, глянула удивленно:

– Да не стоит такой уж благодарности... Пригласила и пригласила, подумаешь.

– Ну да... Конечно... Извините.

– А извиняетесь за что? Станный вы какой, однако.

Впрочем, странность эта вскоре сама себя и объяснила. Пробиравшаяся через толпу танцующих Альбина вдруг сунула Марине локоть под бок, случайно, конечно же, но получилось довольно больно. Она ойкнула, вздрогнула, глянула Альбине вслед удивленно. И тут же встретила глаза девушки – гневные, обиженные, будто молнией полоснувшие. «Ого! Да тут настоящие ревнивые страсти бушуют!» – хулигански подумала она и весьма заинтересованно подняла голову, чтобы разглядеть своего случайного партнера. А что – хороший, между прочим, парень. Молодой. Ужас какой симпатичный. И пахнет от него хорошо. Молодостью пахнет, приличным воспитанием, высшим образованием. Альбину можно понять, губа у девушки не дура.

– Она что, на меня обиделась, да? Поверьте, я нечаянно. Я вовсе не стремилась вас приглашать, просто так получилось! – принялась весело и снисходительно извиняться Марина. Но кавалер перебил ее так же весело:

– Я очень, очень рад, что у вас так получилось. Спасибо вам.

– А... она что, преследует вас, да? – заговорщицки и довольно нахально мотнула головой в сторону уходящей Альбины Марина. – Сильно и настырно претендует на внимание?

– Ну... В общем, неважно. Моя беда в том, что я женщинам хамить не умею.

– Почему же беда? Это совсем не беда. И впрямь, никогда не стоит хамить женщинам. Раз понравились – терпите, будьте мужчиной, – произнесла она вслух тоном сварливой тетки. По возрасту она ж и в самом деле ему в тетки годится! Имеет право на воспитание молодежи! И неважно, что сама только что практически насильно в танец навязалась.

– А я и терплю... – покладисто и в то же время несколько игриво произнес молодой человек и с сожалением, а может, ей показалось, что с сожалением, разомкнул на последнем музыкальном аккорде свои танцевальные объятия.

Тут же возникло в опасной близости красное пьяненькое лицо Валерия Ильича. Сердитое. Он даже за локоть ее приготовился цапнуть, пытаясь привлечь в танец, и Марине пришлось неловко взмахнуть руками, чтобы увернуться от его поползновений. А поскольку взмахнула – куда деваться-то? Не изображать же из себя пьяную птицу в полете? Один выход и остался – снова возложить ладони на крепкие молодые плечи и увлечь их призывно в ритм тягучего танго. Впрочем, молодые крепкие плечи ничего против танго не имели. И молодые крепкие руки тоже. Одна рука основательно устроилась у Марины на спине, другая по-хозяйски сжала ладонь... Хороший танец – танго. Сплошной экспромт. Если поймешь его суть, получишь огромное удовольствие. А еще тут главное, чтобы партнер не подвел – чтобы понял, что страстно хулиганить надо вместе. Этот, кажется, понял. Надо же! Вроде молодежь сейчас танго не особо жалуется?

Как-то незаметно образовалось вокруг них пустое пространство, ограниченное кругом наблюдающих. А может, любующихся их танцем. И даже аплодисменты они сорвали, когда замерли на последних аккордах в томительной позе. И дурашливо раскланялись, держась за руки. А когда грянула музыка, на сей раз веселая, скромно отступили в сторонку.

– Я так понял, Марина Никитична, у нас общие интересы образовались, да? – громко проговорил он ей на ухо, пытаясь перекричать музыку, и повел подбородком в сторону лихо отплясывающего Валерия Ильича. – Это вы от него в мои объятия так пугливо рванули?

– А вы думали, я и впрямь вас от Альбины спасаю, что ли? Добрая такая тетенька? Может, жалеете теперь, что я вами так вероломно воспользовалась?

– Нет, ничуть. Наоборот, предлагаю держаться вместе. Объявляю себя вашим кавалером и защитником! Не возражаете?

– Нет. Ничуть.

– Тогда, может, шампанского?

– Лучше вина.

– Ага! Сейчас я все организую...

Усевшись на свое место и следя за суетой своего кавалера, Марина лихорадочно пыталась вспомнить его имя. Ей же представляли всех, когда она сюда в первый день заявила! Нет, не вспомнить, ни за что не вспомнить. Это потом к новым именам привыкаешь, а в первый день они идут одной строкой, в голове не задерживаясь. И должность она этого парня не помнила. Да если честно, и лица тоже. У нее вообще была плохая память на лица. Что ж, придется спрашивать.

– Прости, но я не помню, как тебя зовут.

– Ничего страшного. Меня зовут Илья. Я здесь системным администратором работаю. И программу в компьютер я вам в первый день устанавливал. Не помните? Полдня у вас в кабинете провел.

– А... Да-да, как же... Конечно, припоминаю...

Ничего она на самом деле не припоминала. Действительно, крутился в кабинете какой-то высокий парень. Она на него внимания тогда не обратила. Она в тот день вообще временно разучилась концентрировать на ком-нибудь свое внимание. Когда тебя из нормальной привычной жизни резко выталкивают, летишь какое-то время по инерции, боясь упасть. И не соображаешь ничего. И лиц не замечаешь, и слов не слышишь.

– А весело у вас тут! – Марина легко махнула рукой в сторону танцующих. – Всегда так шумно дни рождения празднуете?

– Не могу сказать. Я тоже здесь недавно работаю. Три месяца всего.

– И все три месяца отбиваешься от Альбины?

Он помолчал, пожал неопределенно плечами, отвел взгляд в сторону. Потом проговорил виновато:

– Я не понимаю, почему она такая... упорная. Решила почему-то, что меня можно взять приступом и в карман положить. Наверное, я такое впечатление произвожу? Инфантильного такого типа.

Марина повернулась, глянула на него внимательно. Действительно, был в его юной мужской внешности явный интеллигентский изъяс – слишком уж бросалась в глаза категорическая неспособность к хамству. Такой действительно скорее руку себе отрежет, чем женщине откажет. Будет мучиться и выкручиваться, всмятку себя разобьет, но вежливость молчаливую проявит. Потому и будет всю жизнь притягивать к себе волевых особ, таких, как Альбина. Ей же, бедненькой, и впрямь кажется: протяни руку – и парень в кармане. А не тут-то было. Парень-то не прост. Далеко не прост. Одни глаза чего стоят – яркие, смешливые, голубые, в шикарном обрамлении густых игольчатых ресниц. Сказочные глаза. Да и остальные черты лица тоже ничего, вполне породистые. Высокий выпуклый лоб, светлые волосы, коротко стриженные, торчат ежиком, красивые, как у девчонки, пухлые губы и ямочка на подбородке. Хороший парень. Такого любая захочет в карман положить. Не виноватая эта Альбина. Пострадавшая скорее.

А вот и сама она легка на помине, выросла перед ними горой:

– Илья... Можно тебя на пару слов?

В ее сторону она даже не посмотрела, будто Марины здесь и не было. Однако присутствовало в этом «несмотрении» слишком уж большое Альбино личное, наболевшее, слишком нарочитое и объемное (Марине даже показалось, что она физически почувствовала этот переизбыток). Сразу стало не по себе, и спасительное хмельное состояние разом ушло, и захотелось домой – под душ со слезами, под одеяло, уткнуться в подушку, чтоб не видел никто.

– Ты иди, Илья. Спасибо тебе за компанию. Я, пожалуй, домой пойду, – торопливо поднялась она с места.

– Я провожу! – Илья тоже встал вслед за ней, не обращая внимания на нависшую над ним Альбину.

– То есть как это – проводишь? Кого ты проводишь? – обиженно и даже несколько возмущенно произнесла Альбина, подступая к Илье вплотную. – Не поняла юмора... Ты что, уже уходишь, что ли?

– Пока, Альбин. Счастливо повеселиться. – Илья слегка отодвинул ее от себя, придерживая по-джентльменски за локоток и улыбнулся вежливо, вроде «отстань от меня по-хорошему».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.